

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К61

Колосов, Леонид.

К61 Разведчик в Вечном городе. Операции КГБ в Италии / Леонид Колосов. — Москва : Алгоритм, 2017. — 432 с. — (Мемуары под грифом «секретно»).

ISBN 978-5-906947-74-1

Как подружиться с «крестным отцом» сицилийской мафии Николо Джентили и узнать от него о готовящемся государственном перевороте в Италии. Как в ходе многочисленных интервью с премьер-министром Италии Альдо Моро получать эксклюзивную информацию о текущей деятельности и планах правительства. Как встретиться с Отто Скорцени. И как избежать соучастия в покушении на испанского диктатора Франко.

Об этих и других операциях КГБ честно и подробно рассказал подполковник советской внешней разведки Леонид Колосов, который более 15 лет проработал в Италии собственным корреспондентом газеты «Известия». Среди коллег журналистов его называли одним из «золотых перьев». А среди разведчиков он считался асом шпионажа.

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-906947-74-1

© Колосов Л.С., 2017
© ООО «ТД Алгоритм», 2017

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Массово-политическое издание

МЕМУАРЫ ПОД ГРИФОМ «СЕКРЕТНО»

Колосов Леонид

**РАЗВЕДЧИК В ВЕЧНОМ ГОРОДЕ
ОПЕРАЦИИ КГБ В ИТАЛИИ**

Редактор *С. Чертопруд*
Художник *Б. Протопопов*

ООО «Алгоритм»

Оптовая торговля:
ТД «Алгоритм» +7 (495) 617-0825, 617-0952
Сайт: <http://www.algorithm-izdat.ru>
Электронная почта: algorithm-kniga@mail.ru

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 16.05.2017.
Формат 84x108^{1/32}. Печать офсетная. Усл. печ. л. 22,68.
Тираж экз. Заказ

ISBN 978-5-906947-74-1

9 785906 947741 >

ОГЛАВЛЕНИЕ

Кто есть кто? (Вместо предисловия) 6

Часть первая

Глава 1. Легенды и были Вечного города	15
Глава 2. Папа и зять	32
Глава 3. «Фиат» лучше «Рено»	58
Глава 4. Пардон, мадам...	80
Глава 5. Не убивайте женщину...	99
Глава 6. Генерал нашел солдата	115
Глава 7. Мафия оставляет следы	139
Глава 8. В тени масонских лож	163
Глава 9. Смерть в сундуке	181
Глава 10. Авторучка для Каудильо	208

Часть вторая

Глава 11. Не давайте руку хиромантке	226
Глава 12. Не храните письма любимых	263
Глава 13. Я предупреждал Сталина	284
Глава 14. Трагедия «Красной капеллы»	307
Глава 15. Почему утонула «Щука»?	335
Глава 16. У расстрельной стены	355
Глава 17. Иоганнес становится Иваном	368
Ради чего? (Вместо послесловия)	413
Работа под крышей	419

Кто есть кто?

(Вместо предисловия)

Пути Господни неисповедимы. Вряд ли кто будет оспаривать сию библейскую истину. И тем не менее, да простит мне Всевышний такое сравнение, далеки они от воистину неисповедимых путей разведки...

Представьте себе Рим, куда, как утверждают, ведут все дороги. 1972 год, 12 мая. Остается уже не так много до отъезда на родину собственного корреспондента газеты «Известия» в Италии Леонида Колосова, то бишь вашего покорного слуги, которому во дворце Сант-Анджело¹ в этот день вручается медаль «Золотой Меркурий», действительно из чистого золота высокой пробы. Событие, в общем-то, неординарное, ибо впервые обладателем столь престижной награды становится советский журналист за значительный, как сказано в официальном протоколе, вклад в укрепление дружеских связей между Итальянской республикой и Советским Союзом. Награду преподносит председатель Совета министров Италии Джулио Андреотти. На торжестве присутствует Альдо Моро. Тот самый блестящий итальянский политик Альдо Моро, весть о трагическом убийстве которого в марте 1978 года потрясла весь мир и в гибели которого западная пресса почти единодушно поспешила обвинить «мастеров мокрых дел» из советских спецслужб...

Думаю, что вряд ли кто из присутствовавших в то время на торжестве и тепло аплодировавших новому обладателю награды знал, кто стоит в этот момент перед ними. И, наверное, никогда не узнал бы, если бы не целый ряд событий и обстоятельств. Во всяком случае, через два десятка лет, 11 июня 1992 года, приглашенный в Рим за «круглый стол» итальянского телевидения, посвященного обсуждению проблем тер-

¹ Речь идет о Замке Святого Ангела (*ит.* Castel Sant'Angelo, *англ.* Castle of the Holy Angel) — высоком круглом замке, возвышающимся над Римом, чей облик хорошо запоминается и выделяется на панораме города. Также известен как Мавзолей Адриана (*ит.* Mausoleum of Hadrian), иногда называемый Печальным Замок. Замок Святого Ангела долгое время играл центральную роль в римской жизни, так как являлся папской резиденцией. Сейчас эта крепость выполняет роль архитектурного памятника, внутри которого функционирует музей и временные выставки (*Примеч. ред.*).

роризма, все тот же Леонид Колосов был представлен почетнейшим коллегам по дискуссии и всем итальянским телезрителям как подполковник бывшего Первого главного управления (*внешней разведки — Л. К.*) бывшего Комитета государственной безопасности бывшего Советского Союза. И, конечно же, как бывший экскорреспондент «Известий» в Италии с многолетним опытом. Не удивился, а скорее сделал вид, что не удивился, лишь сидевший рядом со мной начальник СИСМИ¹ — итальянской контрразведывательной службы — генерал Федерико Умберто д'Амато². «Дорогой подполковник, — добродушно усмехнувшись, сказал он, обращаясь ко мне перед началом телепередачи, — я просмотрел Ваше дело перед этой встречей. Оно довольно объемистое и весьма любопытное. Нас кое-что смущало в Вашей прежней деятельности. Но не было явных признаков шпионажа, ибо журналистика — самое хитрое прикрытие для людей вашей профессии. Вас очень много печатали в «Известиях», и все, что Вы делали, в целом шло на пользу и Италии, и СССР. Кроме того, вы работали, вероятно, с очень надежной агентурой. Никто Вас не заложил за столько лет пребывания на Апеннингах. Кстати, завтра мы смогли бы с Вами пообедать, а потом я бы мог показать досье бывшего собственного корреспондента Леонида Колосова...» — «Я очень благодарен Вам, генерал, за любезное приглашение, — отвечал я, — но завтра в десять утра мой самолет улетает в Москву...» — «Жаль, очень жаль. Тогда в качестве приятного сюрприза к отъезду открою еще один давний секрет: наша служба визировала в свое время награждение Вас «Золотым Меркурием»...»

Не подумайте, ради Бога, что я раскрылся за «круглым столом» на итальянском телевидении. Все произошло немного раньше, и в Москве. Вообще профессиональному разведчику не положено обнародовать свое инкогнито, за исключением тех случаев, когда он или проваливается, или же отбывает в мир иной. Что же толкнуло меня на этот неординарный шаг? Скажу прямо: то шоковое состояние, которое я испытал, увидев на телевизионном экране, как под улюлюканье распоя-

¹ Sismi (Служба информации и военной безопасности) — была создана в 1978 году и в 2002 году была ликвидирована в ходе реформ спецслужб. Состояли из четырех дивизионов: внешняя разведка, контрразведка, обработка информации (аналитика) и борьба с оргпреступностью (*Примеч. ред.*).

² Федерико Умберто д'Амато (1919 — 1 июля 1996 года) никогда не был руководителем СИСМИ. С 1957 года по 1974 год он занимал высокий пост в МВД Италии (*Примеч. ред.*).

савшейся толпы, возглавляемой новоявленными «демократами», с пьедестала сорвали статую Феликса Дзержинского. Только отупевшие вконец люди могут обращаться подобным образом со своей историей. Вспомним, что даже разгневанные древние римляне оставили памятник Нерону, который, как известно, сжег Рим. Почему? Потому что Нерон был личностью. Дзержинский тоже был личностью. Конечно, может быть, не стоит спешить с памятниками вообще. Бездарностям их ставить вряд ли следует, особенно при жизни.

Далее, на внешнюю разведку, я подчеркиваю — на внешнюю разведку, с легкой руки тех же самих мертворожденных «демократов» полилось столько клеветы и грязи, что я просто не выдержал. С полной ответственностью и чистой совестью утверждаю, что разведчики, которых я знал и которые работали не только в Италии, но и в других странах, не были ни наемными убийцами, ни стукачами, ни продажной сволочью. Имелись, разумеется, отдельные исключения. Но где их не бывает? Конечно, внешняя разведка не богодельня, но многие из нас придерживались древнего гиппократовского постулата — «не навреди»... Если можно, конечно.

Из тринадцати полных лет, прожитых в Италии, девять из них проработал я как сотрудник советской внешней разведки. Прибыл я в Италию в звании старшего лейтенанта, а уехал подполковником. Внеочередные звания присваивались, как вы сами понимаете, не за красивые глаза. Но я вел всегда — повторяю, всегда — честную игру и ничего мерзостного не сделал стране, в которой работал как разведчик и журналист. Поэтому, когда стащили удавкой «железного Феликса» с пьедестала и пришло решение рассказать о перипетиях моей деятельности, в которой не было ни убийств, ни доносов...

А тут еще случай подвернулся. Василий Кикнадзе — ведущий известной телепрограммы «Золотая шпора» — что-то и от кого-то узнал о моем «двойном дне», тем более что на голубых экранах и в печати пробежала волна мемуаров бывших разведчиков. У меня тоже истек срок давности и явилось желание поведать всю правду о себе в назидание разномастным врунам и молодому поколению. Так вышла в телеэфир передача «Риск в жизни разведчика», ибо и сама жизнь, и работа моя были не совсем ординарными. Попал я в разведку не по своей воле, а в результате «партийного набора в органы» после расстрела шефа госбезопасности «английского шпиона» Лаврентия Берии и ликвидации его аппарата, и ушел тоже необычно. Бывший главный редактор «Известий» Лев Толкунов

был близким другом председателя КГБ СССР Юрия Андропова и однажды попросил его отпустить «по-доброму» способного газетчика, чтобы дать ему подольше потрудиться на ниве журналистики. Мой уход из органов тоже стал своего рода легендой, ибо, как утверждала бытовавшая среди нас поговорка, «из КГБ уходят двумя путями: или в наручниках, или вперед ногами в красном гробу».

Мне как кандидату экономических наук, темой диссертации которого была итальянская экономика, повезло и в том отношении, что сфера деятельности в римской резидентуре была весьма обширна и затрагивала наиболее невралгические точки внешней и внутренней жизни Италии.

На другой день после выхода в эфир «Золотой шпору» ко мне в гости пожаловали московский корреспондент итальянской газеты «Стампа» Джульетте Кьеза и представитель РАИ — итальянского радио и телевидения — Джан-Пьеро Симонтакки. После частичного удовлетворения своего интереса к «собственному корреспонденту КГБ в Риме» они-то и организовали совершенно фантастическую мою поездку в вечный город и выступление за телевизионным «круглым столом»...

Поместили меня по прибытию в Рим в роскошном отеле «Рафаэль» неподалеку от знаменитой своими фонтанами площади Навона. Сразу же ко мне был приставлен «хвост» — мне его без труда удалось вычислить, уж очень невнимательно он читал газету в вестибюле. Да и, передеваясь ежедневно, не мог, конечно, изменить свою яркую внешность. Думаю, что это был один из добрых знаков гостеприимства моих хозяев. Два дня из четырех я был предоставлен самому себе. На второй день собкор «Известий» Миша Ильинский повез меня «поздороваться» с морем в местечко Фриджене, что в полусотне километров от Рима. Боюсь, за этот день мой телохранитель получил нагоняй — мы ушли от него. Температура воды была около пятнадцати градусов, не больше, но я не мог отказать себе в удовольствии окунуться в давно забытые волны Адриатики. Тут откуда ни возьмись примчался спасатель и обругал меня сочным итальянским матом за опасное, по его мнению, несезонное купание. Я ответил ему тем же, но, естественно, на свой манер. «А, русский», — сказал разочарованно спасатель и, махнув рукой, ушел... А потом был день работы с итальянскими телевизионными журналистами и сам прямой эфир «круглого стола» с очень популярным в Италии ведущим — красавцем Коррадо Ауджасом, который, услышав мой итальянский, авторитетно заявил, что мне абсолютно противопоказан пе-

реводчик. Мне задали очень много вопросов. Особенно интересовались именами агентов, с которыми я работал в Италии. Я ответил, что в свое время клятвенно обещал каждому унести их имена с собой в могилу и клятвы не нарушу. Другое дело — операции, особенно нашумевшие и не только на Апеннингах... Да, а затем третий день моих «римских каникул» стихийно перешел в четвертый. По русскому обычаю, после окончания телепередачи я угостил оставшихся привезенной из Москвы «Столичной». Наша водка, да еще в экспортном исполнении, да еще в бутылках по 0,75 литра, — это вам не какое-то «Кьянти» или «Фраскати». Мы разошлись очень веселые и только в два ночи. Как говорят, хорошо посидели. А в шесть утра я вышел из отеля и побрел пешком к Ватикану, на его знаменитую площадь. Нежным перезвоном начали свою утреннюю песню колокола собора Святого Петра. Вставало солнце. Я прощался с Римом здесь. Arrivederci Roma, до свидания, Рим. А может быть, прощай, кто знает?

Я очень люблю Италию. Ее древнюю землю, рафаэлевское небо, синие волны всех четырех морей, омывающих Апеннинский сапог, и, конечно же, ни на кого не похожих певучих жителей его. Может быть, я люблю Италию не меньше, чем Россию. Может быть, ибо отдано было ей около пятнадцати лучших и самых сложных лет жизни.

А потом пришло время засесть за мемуары, ибо кто расскажет о том, что сегодня и мне самому кажется фантастикой. Еще раз повторю, что отнюдь не тщеславие двигало мною. Я собирался оставаться тем, кем был, вернее, тем, за кого меня принимали. Вот, кстати, как представлял меня популярный журнал «Столица», когда в эксклюзивном порядке напечатал отрывок одной из первых глав моих мемуаров:

«Журналист-международник Леонид Колосов достаточно известен читающей публике. Много лет он был собкором «Известий» в Италии. Лауреат премии Союза журналистов, дважды лауреат премии КГБ СССР в области литературы и кино (за книгу «Совершенно секретно» и двухсерийный кинофильм «Досье человека в «Мерседесе»», поставленный по мотивам его политического детектива «Прощайте, господин полковник!»), лауреат престижной итальянской премии «Золотой Меркурий» — за вклад в дело укрепления дружественных связей между тогда еще Советским Союзом и Италией. Автор и соавтор более трех десятков книг, киносценариев и пьес... Подполковник внешней разведки КГБ СССР Леонид Сергеевич Колосов был известен лишь весьма ограниченному кругу людей из Первого главного управления Комитета госбезопасности...»

Но речь в этой книге пойдет не только обо мне. За три десятилетия журналистской работы, которая, как вы уже поняли, оказалась надежной «крышей» и для моей разведывательной деятельности, мне довелось писать о достаточно широком круге известных и менее известных советских разведчиков — как тех, с которыми довелось встречаться, так и тех, чьи судьбы остались лишь на страницах досье и иных архивных материалов. Помогло в раскрытии «шпионской тематики», разумеется, и то обстоятельство, что я был «своим» и мне редко отказывали в помощи коллеги из «Детского мира», так в шутку и ныне называют в народе здание КГБ...

Ким Филби и Рихард Зорге, Джордж Блейк и Шандор Радо, Рудольф Абель и Конон Молодой, Ван Энгеланд и Харро Шульце-Бойзен со своими соратниками из трагически погибшей в Берлине разведывательной группы «Красная капелла»... Многим знакомы эти имена. О всех них написаны были мною в «застойные времена» репортажи, очерки и повести, в которых основным побудительным мотивом смертельно опасной работы моих героев была неистребимая верность марксизму-ленинизму и, конечно же, горячая любовь к великому Советскому Союзу вместе со всеми его вождями. Я, как автор, прекрасно понимал, что все это вранье. В той или иной степени, но вранье, без которого ни одна из публикаций не проскочила бы через сито кагэбевского пресс-бюро с его железными цензорами.

Ну, кто бы пропустил трагический монолог разведчика-интернационалиста Шандора Радо (шеф нашей внешней разведки Ян Берзин присвоил ему ласковый псевдоним «Дора»), когда он, сидя напротив меня, рассказывал с глаза на глаз о своей несчастной судьбе? За три дня до начала Отечественной войны Радо сообщил на основании материалов, полученных через агентуру из канцелярии Гитлера, что она начнется ранним утром 22 июня, он передал затем массу ценнейшей информации из своего разведцентра в Швейцарии, а вернувшись в Советский Союз за заслуженными наградами, угодил в концлагерь, где просидел до самой смерти Сталина, который и санкционировал его арест как ненадежного агента... «Был бы жив Джугашвили, — завершил Шандор нашу беседу, — я бы плюнул в кошачьи усы этого убийцы за искалеченные человеческие судьбы и неверие в людей...» Как вы сами понимаете, эта фраза осталась неиспользованной в моем журналистском блокноте... Ну, кто бы поверил в те времена, когда я писал о Рихарде Зорге, что тот же великий вождь всех времен и наро-

дов отказался спасти от петли легендарного разведчика, хотя японцы предлагали обменять его на одного из своих резидентов, которого изловили наши славные чекисты. А ведь именно Зорге, он же «Рамзай», еще 6 марта 1941 года отправил в Москву копии секретных документов — телеграмм Риббентропа немецкому послу в Токио о запланированном нападении Германии на Советский Союз во второй половине июня, 19 мая сообщил точные данные о сосредоточении на западных границах СССР 150 немецких дивизий, а 15 июня, за неделю до нападения, буквально рискуя жизнью, сумел переправить в Центр короткое, но фатальное сообщение: «Война начнется 22 июня». Но товарищ Сталин не поверил и этому донесению. А потом, конечно же, не мог простить никому своей ошибки. О Рихарде Зорге начали говорить уже после смерти Иосифа Виссарионовича и то неохотно. Смущала любовная связь «Рамзая» с американской журналисткой Агнесс Смедли, которая вроде бы работала на секретную службу США...

В какой-то из недавних телевизионных передач об асе британской секретной службы и полковнике советской разведки Киме Филби прозвучали из уст ведущего новые нотки о странной судьбе этого человека, обосновавшегося после своего провала в Бейруте в 1963 году до конца своих дней в Москве. Глубоко разочарованный в том, что получилось из социализма в России, Филби не скрывал этого в своем последнем интервью. Он умер странно в 1988 году, то ли покончив жизнь самоубийством, то ли, согласно официальной версии, от сердечной недостаточности на почве неумеренного злоупотребления спиртными напитками. Выяснилось из интервью, что и советская секретная служба не до конца доверяла Киму Филби, считая его чуть ли не «двойником»... Кто знает? Большую часть собственных тайн любой разведчик уносит с собой в могилу. Мне довелось с одним из своих коллег из «Известий» брать интервью у «Тома» (таков был псевдоним Филби) незадолго до его загадочной смерти. И тогда разговор получился невеселым. Наш собеседник сетовал на «непонимание и недоверие» своих советских коллег. На мой вопрос, какая разница между двумя в общем-то родственными дефинициями — разведчик и шпион — грустно промолвил: «Можно ответить или очень кратко, или спорить до бесконечности. Так вот, если в двух словах, то для Советского Союза я — разведчик, а для Англии, моей родины, — шпион». Во время разговора мы спросили в шутку у старого маэстро шпионажа, приходилось ли ему, подобно Джеймсу Бонду, стрелять на вскидку и с обеих рук од-

новременно по многочисленным врагам своим. Филби, помню, грустно улыбнулся и сказал: «Разведчик, если он настоящий разведчик, стреляет лишь один раз в жизни. Когда у него нет иного выхода...»

Разочарование — не такое уж редкое явление у людей, особенно на закате жизни. У разведчиков оно страшнее, ибо постоянный риск, в котором проходит большая часть их жизни, должен быть чем-то оправдан. Но что могли сказать на обломках социализма, кроме матерных слов, и Рудольф Абель, и полковник бельгийской разведки Иоганесс Ван Энгеланд, которому наша контрразведка подсунула девицу, ставшую затем, вопреки всем хитрым интригам наших чекистов, его верной женой. Я встречался с ними и, конечно же, не мог написать тогда, что разуверились эти люди и в Марксе с Энгельсом, и в Ленине со Сталиным, а самое главное — с нескрываемой горечью предсказывали тот бардак, который неизбежно, по их мнению, должен был начаться в любимой, по-настоящему любимой ими России. Собственно, так оно и произошло...

Мне так и не удалось пока опубликовать шесть очерков о моем друге — замечательном разведчике-нелегале полковнике Кононе Молодом. Я не обмолвился: именно друге, ибо пять лет мы проучились вместе в бывшем Московском институте внешней торговли и очень дружили, но тогда он уже был разведчиком и пополнял свое образование для будущей нелегальной работы, а я готовился стать экономистом. А потом наши дороги пересеклись, когда Конон, который проходил по учетам КГБ под кличкой «Бен», а в Великобритании был известен как преуспевающий бизнесмен Гордон Лонсдейл, был арестован в Лондоне и приговорен к двадцати пяти годам тюрьмы. Через пять лет его обменяли на английского разведчика Гревилла Винна, завалившегося в Советском Союзе, и Конон вернулся в родную Москву. Я уже тоже работал в Первом главном управлении КГБ, но сидел под «крышей» в газете «Известия», готовясь к выезду за рубеж. Мне и поручили взять первое интервью у старого друга. Молодой уже знал, что я стал его коллегой. «Не миновала, Ленька, и тебя чаша сия,— начал он разговор после крепких объятий.— Смотри, не обмишурься. После неудачи на тебя смотрят косо, да и вообще ты никому уже не нужен, особенно после того, как побывал к тому же в руках чужой контрразведки». Мы долго сидели в тот первый вечер. Никакого интервью не получилось. Какое там, к черту, интервью. Мы просто сидели и разговаривали.

— Ты удовлетворен своей судьбой? — спросил я друга. — Той двойной жизнью, которую прожил в опасностях и постоянных тревогах... Да и ради чего ты все это делал?

— Знаешь, Ленька, не буду ханжить, хотя ты и коллега. Но я тебе верю, как старому институтскому товарищу. Не ради светлого коммунистического будущего играл я в нелегальную рулетку, а ради самого себя, ибо работа моя была тем наркотиком, без которого нынешнее существование кажется мне нудным и никчемным. Впрочем, не внимай столь серьезно крамольным речам моим. Тебе еще трудиться. Поэтому, если нет идеала, создай его себе сам. И помни, что разведчики редко умирают своей смертью, ибо самый любимый разведчик для нашего начальника — разведчик мертвый, к тому же если он еще и завалился...

А примерно через месяц поздно ночью позвонил мне домой наш общий приятель с институтских времен и сиплым от горя голосом сказал: «Сегодня умер Конон...» — «Как?!!» — «Гулял в подмосковном лесу с женой, нагнулся и упал, то ли с инсультом, то ли с инфарктом. Врача ведь рядом не было».

И вспомнилось, как рассказывал мой покойный друг о некой знаменитой лондонской хиромантке, которая на одном из великосветских раутов, взяв его ладонь, предрекла ему недолгую тюремную отсидку, возвращение в страну, где он родился, а также внезапную смерть, которая может прийти и не естественным путем. Унес свои тайны и Конон Молодой, не все и не до конца раскрыла ему хиромантка.

И я, грешный, верю предсказаниям. У меня тоже была на заре туманной юности своя хиромантка, которая явилась, правда, в образе старой цыганки при весьма банальных обстоятельствах. Но об этом в следующей главе.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1. Легенды и были Вечного города

...Представьте себе Актюбинск, захудалый казахский городишко, куда в начале 1942 года эвакуировали невесть зачем московский рентгеновский завод, размещавшийся напротив знаменитой Елоховской церкви. В эвакуацию пришлось отправиться и нашей семье, поскольку мой отец работал на заводе главным бухгалтером и считался по тем временам «номенклатурой». В Актюбинске родитель продолжал вести финансовые дела предприятия, а я, шестнадцатилетний шалопай, уже вкалывал фрезеровщиком пятого разряда, поражая своего мастера-учителя необыкновенной сообразительностью в обработке всяких заумных деталей, требующих высокой квалификации и опыта...

В тот мартовский день мы, компания молодых «ударников-производственников», получили премию за выполнение срочного оборонного заказа и, распив несколько бутылок самогона, отправились в приподнятом настроении на местный базар — единственное место для развлечений горожан, заменявший собой и эстрадный театр в лице разножанровых бродячих музыкантов и певцов, а также цирк «Шапито», ибо изобиловал высококвалифицированными жуликами, которые могли бы дать сотню очков вперед любому фокуснику даже европейского класса.

На рынке было полно цыганок, и одна из них, старая, замызганная бабка в разноцветных лохмотьях, привязалась к нашей подвыпившей компании, предлагая погадать и достоверно рассказать любому из нас о его прошлом, настоящем и будущем. Мы решили испытать правдивость гадалки, хотя по тем временам не верили никому, кроме вождя всех народов и великого полководца товарища Сталина, который убедил даже бывших уголовников, составлявших ядро квалифицированной рабочей силы нашего рентгеновского предприятия, получившего секретное название «завод № 692», что враг будет разбит и победа будет за нами... Выбор в качестве объекта предсказаний пал почему-то на меня, видимо, из-за веселости характера, и, отвалив старой цыганке целую пачку потрепан-

ных советских дензнаков, мои дружки сунули под ее горбатый нос мою мозолистую ладонь с вьевшейся под кожу и не смываемой даже бензином производственной грязью. Горбоносая гадалка, внимательно изучив линии ладони, почмокала губами и довольно печально посмотрела на меня.

Прошное твое, касатик, вижу не бедным и не богатым. Ты — единственный и любимый сын у родителей. Мать тяжко болела, а отец очень заботился о ней и никогда не изменял своему супружескому долгу. Господь призовет ее первой к себе из вас троих. Ты обязательно вернешься в то место, где родился, и поступишь в благородное учебное заведение. А жизни отведено, сынок, судьбой немало. До семидесяти точно доживешь, как тот долгожитель, чья душа переселилась в тебя. А был он мореходом и жил в одной заморской стране, где доведется побывать и тебе в зрелом возрасте. Две законных жены обретишь, и родят они троих дочерей, несмотря на то, что по бабам бегать будешь, как мартовский кот. Скрасят дочери старость твою, не бросят и не забудут. Жизнь предстоит интересная, но беспокойная и опасная. Близко около смерти-матушки ходить будешь. Но все обойдется. А доживать дни доведется в окружении любящих людей, не в нищете, но в болезнях... А теперь иди с Богом, касатик, и спасибо, что не обидел старуху щедростью своей.

— Спасибо и тебе, бабуся. Но скажи мне, пожалуйста, а чего мне больше всего бояться в жизни?

— Бояться? Да ничего не бойся. Только вот в карты не играй. А то не только без денег, но и без порток останешься.

Цыганка хрипло засмеялась, заржали и дружки, ибо знали пристрастие мое к карточной игре, особенно в «двадцать одно», в которой слыл я непревзойденным асом. Игра-то примитивная, для дураков, вообще. Но мне всегда везло. Просто так везло, без всякого шулерства. Каким-то седьмым чувством знал я, какие карты находятся у моего супротивника и какая пойдет ко мне. И вот однажды, после моей встречи с цыганкой-гадалкой, сел играть против меня бывший политзэк Кузьма Иванович. Еще в мирное время он как-то в нетрезвом виде неуважительно высказался о вожде всех народов Иосифе Виссарионовиче, выступая с речью на кухне коммунальной квартиры. Возмездие, как тогда бывало, последовало незамедлительно. И оказался Кузьма Иванович в конечном итоге, после отсидки, разумеется, на нашем оборонном предприятии... Проиграл я ему в «очко» все наличные деньги, гордость свою — карманные часы с цепочкой, затем зарплату за месяц вперед...

«Вот что, малый, — сказал после моего тотального поражения КуАма Иванович, — дам я тебе возможность отыграться. Ставь свои новые портки на кон (а я их купил на базаре за бешеные по тем временам деньги) против всего твоего проигрыша. Возьмешь банк, я все верну. Продуешь — пойдешь домой с голой задницей. Идет?» Я открыл двадцать очков. У Кузьмы Ивановича оказалось очко, то есть двадцать одно. И вот дождливым осенним вечером побрел я домой без штанов...

Мать била меня палкой, и очень долго. Я не сопротивлялся, ибо чувствовал свою вину. Отец за меня не заступился. Я его тоже понял. И с тех пор ни разу в жизни не взял в руки карты. Кстати, вспомнил я и шутивное предостережение старой гадалки. Тогда по легкомыслию я решил, что это всего лишь случайное совпадение. А вот сейчас поражаюсь тем давним предсказаниям вещуньи и о моем прошлом, и о настоящем, и о будущем, которое ныне тоже стало прошлым.

Но начну все-таки с прошлого. Когда я начинаю вспоминать о детстве, перед глазами неизменно возникают две маленькие фигурки в освещенном январским морозным солнцем Собиновском переулке. Раньше он назывался Малым Кисловским переулком, кривым коленом, соединявшим Арбатскую площадь с улицей Герцена. А начало ему давало высокое здание, которое по довоенным меркам можно было бы назвать небоскребом в низкорослой Москве. В народе его прозвали «Моссельпром», по имени торгового объединения, занимавшегося производством и реализацией сельскохозяйственных и промышленных товаров. Именно о нем написал Владимир Маяковский такие слова: «Нигде, кроме как в «Моссельпроме»». Известно, что знаменитый поэт был большим мастером и торговой рекламы. Ему, кстати, приписывают еще один рекламный шедевр в стихах: «Если хочешь быть сухим в самом мокром месте, покупай презерватив в Главрезинотресте». Правда, шедевр нигде почему-то не напечатали...

«Моссельпром», корабельным килем обращенный к Арбату, дает жизнь трем ручейкам-переулкам: слева и справа от Малого Кисловского берут начало Калашный и Нижний Кисловский. Но они не конкуренты Малому Кисловскому. На нем в тогдашние времена, помимо «небоскреба», размещались театральное училище имени Луначарского, два посольства — Латвии и Эстонии, музыкальная школа при консерватории, а в конце переулка, выходящего на улицу Герцена, — театр Революции, в котором восходила звезда артистки Бабановой... Но самой уникальной достопримечательностью на Кисловском